

Катерина Файн
ИМЯ СОБСТВЕННОЕ
1992-1997

* * *

Ты едешь по городу. Ночь и весна.
Трамваю «Желанье» дорога тесна.
Безумный кондуктор отдаст за гроши
бумажное счастье своей души.

И люди в одеждах вчерашнего дня
похожи, как капли воды у дождя.
А ты обращаешься к ним на «вы»,
но нету предмета их головы.

Вагонные стекла – почти что витраж –
способны украсить любой пейзаж.
Ладонью коснешься – а это песок,
сладкий на вкус, как березовый сок.

Все это случилось с тобой или нет?
Смотри: отрицание сна – сонет.
Слушай, как звезды скользят по реке,
счастливый билетик сжимая в руке.

* * *

Мужчины, закрывающие двери,
когда переступала я порог –
включали свет в прихожей и смотрели
на то, как пальцы мучают шнурок.

Мужчины, закрывающие двери,
когда на белой плоскости стола
внезапно появляется «Чхавери» –
хотели слушать глупые слова.

Мужчины, закрывающие двери,
познавшие и женщин, и девиц –
давали повод думать о постели,
когда стояли у моих ресниц.

Мужчины, закрывающие двери,
когда я собиралась уходить –
вздыхали в коридорах. И жалели,
что не могли меня... удочерить.

* * *

Знаешь, отчего тает
снег в ладонях?
Не потому, что он холодный,
а руки горячие.
А оттого, что он слишком чист
для наших рук.

* * *

В ожидании Годо.
Так уходит время в вечность.
Год за годом – все не то,
образуя бесконечность
перевернутой восьмерки,
поместив себя в проем,
под недобрый взгляд галерки,
в одиночестве своем,
ты в лучах на перекрестке,
ветер действием сквозным,
как пластмассовой расческой
или гребнем расписным,
треплет волосы устало.
И уже давным-давно
ты и ждать-то перестала
в ожидании Годо.

* * *

Давай смотреть на облака
и думать не о том,
что мы живем с тобой, пока
глотаем воздух ртом.
Давай забудем обо всем,
и даже имена.
Давай собою принесем
другие времена.
Давай в ладонях сохраним
тепло коротких встреч.
Ведь жизнь дается раз один,
так что ее беречь?

* * *

Вы любите в зеркале имя свое,
картины Магритта и гласные буквы.
Кричать в телефонную трубку «алле»
и пить газированный морс из клюквы.

Вы верите звездам, а звезды – вам.
Стоя на месте, всегда спешите
большое значенье придать словам,
или тому, что вы решите.

Вам нравится все, что зовется «фасад».
Прозрачное платье сегодня надела
женщина стройная с окнами в сад,
которая вас никогда не хотела.

* * *

Я устала от этой игры:
продвигаться вперед по кругу.
Если старые сказки стары,
то не будем читать их друг другу.
Глядя в битое зеркало луж,
я себя разглядеть в нем пыталась.
То, что будет весна – это чушь.
Будет снега весеннего талость.
Будут свечи гореть до утра,
звезды в лунной воде отражаться.
С занавескою злые ветра
в вальсе осени будут сражаться.
И посыпятся листьями дни –
одинокая замкнутость круга.
Ничего за ним и внутри.
Только лишь пустота друг друга.

Птица

Скажи мне, птица, что такое счастье,
как далеко отсюда до него?
Как отличить мне целое от части,
когда вокруг полным-полно всего.
Скажи мне, птица, что такое вечность,
и почему она, коль нас с тобой не станет?
Что будет, если времени беспечность
устроит на моих ладонях танец?
Скажи мне, птица, что такое горе,
что есть добро, которое мы ищем?
И сколько потеряли в вечном споре:
давать иль не давать монету нищим?
Скажи мне, птица, что такое звезды,
зачем ты хочешь с этим небом слиться,
упрямо меряя крылом шальные версты?
«Все есть любовь», – ответила мне птица.

* * *

А я, забираясь с ногами в кресло,
сначала снимаю кольцо
потом юбку.
И вот что действительно
мне интересно:
каким бывает твое лицо,
когда ты кладешь телефонную трубку?

* * *

Было еще до зимы далеко –
ждать, обожать, проклинать легко.

Слов не жалея, кричать на бегу,
время терять на пустом берегу.

В дверь постучать, а вы спросите, кто?
Сегодня – гостя. «Снимите пальто».

Шалью укутать озябшие плечи,
чтобы горели оплывшие свечи.

Стрелки часов попадали в тень,
так каждый раз провожали день.

Листьями осень земли касалась...
Просто когда-то мне так казалось.

* * *

Как не сойти теперь с ума:
растаял снег, едва коснувшись
земли, бессонницей уснувшей.
Какая странная зима!
И небо – хрупкое стекло,
давясь панельными домами,
как школьник – пыльными томами –
асфальтом под ноги легло.
Последний лист моей тетради.
Я допишу вам этот стих.
И если вечер будет тих,
сама прочту, совсем некстати.
Я знаю: все всегда проходит,
и то, чего не может быть
пройдет. По лужам будет плыть
в линейку белый парходик,
и за судьбу благодарить.

* * *

Ты богат, как венецианский дож
и ветренен, как февраль.
Все твои снега превращались в дождь,
когда ты читал мораль.
Ты не мог отличить от правды ложь,
потому что и сам ты – враль.
Тебе тридцать четыре, и ты похож
на грустную пастораль.

* * *

Как хорошо, что птицы не летают
по комнате, где белый потолок
привязан к люстре. И не замечают
однообразно-сложный диалог
вещей, людей и множества растений
подаренных, забытых и т.д.
Не помнят ни имен, ни дней рождений,
не знают про театр БДТ.
Им не понять таблицы умноженья,
как, впрочем, и любой другой таблицы.
И вместе с притяженьем униженья
не испытать. Но можно притвориться.
Мне кажется, что птицы – привиденья,
а в сумерках они как будто тают,
перемещаясь в наши сновиденья.
Как хорошо, что птицы не летают.

* * *

Шей мне улыбку на вырост
белыми нитками слов.
Лей по стаканам сырость,
люди обоих полов
слушать тебя готовы.
И вот уже много лет
крики восторженных – кто Вы? –
венчаются скромно: «Поэт».

* * *

На улице Буассонад,
в Париже, где М.А. Волошин
жил и работал – ты тоже
немного работаешь над
картиной. В духе Ван Гога
«Девочка и санкюлот».
На пионерский слет
похожа. Красного много.
И далее. Искусствовед
напишет твою фамилию
в статье. И еще, как минимум,
устроит тебе обед.
Такие знаки внимания
(филистерство даже там!)
в среде искушенных дам
рождают непонимание.
И более – нежелание
стелить по утрам постель
(лишняя канитель),
как это случалось ранее.
Теперь о письме. Ремарки.
Ты ищешь дорогу к Богу.
И просишь совсем немного:
конверт. И можно без марки.

* * *

Мы сидели на полу.
Горела лампочка.
Тень от шкафа
падала в салат.
Вы бубнили что-то
вроде «лапочка»,
скидывая шелковый халат.

А потом я уходила
в ваших тапочках,
как всегда навеки.
И одна –
в целом доме –
маленькая лампочка
вышивала контуры окна.

* * *

Старый учитель физики,
мрачный, как сто Арто,
рвал записную на листики,
рвал и бросал в окно.
«Знайте же: все меняется,
мы тоже были детьми...
Скажите мне, чем измеряется
расстояние между людьми?»
Нет никакого повода
придумывать или врать.
«Длиной телефонного провода».
И физик поставил «пять».

* * *

Юноша бледный с внешностью
Дягилева, постойте!
У меня вопрос спешный:
сколько вы стоите?

Девушка стройная, что за стойкой
бара – почему вас брала?
Вы говорили с ней о стойках
или о чем попало?

Может, вы ей рассказали
про Петра Вайля?
А она, коза злая,
отвечала: «Проваливай!»

Наверно стихами, робко
вы ее заманивали...
А она – тупая, как пробка, –
руки заламывала?

Юноша глупый с внешностью
плюшевого мишки!
Мой вам совет спешный:
читайте книжки.

* * *

Я считаю минуты, считаю дни,
я считаю, что время нас рассудит.
Я знаю, что будет, когда мы одни,
а еще я знаю, чего не будет.
Я бросаю монеты, бросаю взгляд,
я бросаю все, чтоб начать сначала.
И если нельзя вернуться назад,
то хотя бы махнуть платком с причала.